

НЕ КТОМУ ЗМИЙ...

В последнее время на интернетовских форумах, принадлежащих Суздальской группировке, некоторые члены оной выражают свое недоумение и огорчение по поводу неожиданного увлечения рок-культурой одного своего собрата, известного у них под именем иеромонаха Григория, а в миру – ученого патолога В. М. Лурье, увлечения выразившегося в ряде статей и отдельных высказываний, помещенных в Интернете.¹ И не удивительно: ведь то, что рок-музыка – явление сатанинское, давно уже стало общим местом всех касающихся этой темы православных (да и неправославных тоже – помните статью какого-то французского ксендза, нашумевшую еще в 80-х годах?) авторов. И тому, что русский рок здесь не является исключением, мы находим доказательства в цитатах, приводимых и самим рассматриваемым нами автором. Взять хотя бы слова Майка Науменко:

Волосатый малый торгует овец
По этой части он спец
Он – главный компаньон коммерческой фирмы
"Иисус Христос и Отец".²

Иеромонах пытается представить это как отрицание "истинной", т.е. андеграундной культурой "неистинной" – т.е. официальной или "массовой" церкви Московской Патриархии, где «пост-советские люди... когда им плохо или тревожно... получают блюдо под названием "духовное утешение"». Однако М.Науменко не оставляет нам подобных иллюзий, он продолжает:

Его дела процветают
И оттого жестокий сплин
Владеет главой конкурентов
"Иван Грозный и Сын".

Из сего сравнения с царем-чадоубийцей неопровержимо явствует, что протест здесь не против "комерциализированной" церкви, а против Бога Отца, с непонятной жестокостью "убивающего" Своего Сына ради достижения каких-то коммерческих целей.³

Но наш автор не только считает рок «истинной культурой – если не всей, то в самых значительных ее частях» ("Попробуем здесь"), но даже пишет, что согласно его концепции «рок-культура способна подготовить к монашеству, но еще не заменяет монашества, а поэтому ведение рок-конференций больше подходит для послушников. Поэтому труды нашей, известной всей Швейцарии, Ольги послужат, надеюсь, достойным образцом истинного монашеского делания на ниве русской рок-культуры, а ее самое приготовят во благовремени к принятию ангельского образа». ⁴ Сам он, хотя и прошел уже, надо полагать, степень послушника, тем не менее сознается: «Я сознаю и признаю в себе нечто от рокера и даже – как

---

¹ У меня нет Интернета, и я черпаю цитаты из распечаток, доставляемых мне одним моим другом, диаконом РПЦЗ; поэтому ссылки мои недостаточно точны: я обозначаю их просто "из форума".

² Цит. по Иеромонах Григорий (В. М. Лурье) "Попробуем здесь", или Церковь и современная культура – www.hgr.narod.ru.

³ Здесь кстати будет упомянуть, что когда Науменко в 1991 г. умер, одна газета (кажется, "Смена") поместила взятое у него незадолго до того интервью, последнее в его жизни, где он на вопрос журналиста о своих религиозных взглядах сказал, что радуется тому, что "Бога нет", а не то он, Майк, "с удовольствием дал бы Ему в морду" за все то зло, которое Он допускает в мире. Увы безумию богоборца!

⁴ Из форума. Здесь имеется в виду одна из послушниц автора – Ольга Митренина, ведущая рок-конференций в Интернете, а под "Швейцарией" подразумевается интернетовский форум "Швейцарское время", откуда и взята эта цитата.

тут один дружественный батюшка про мою Швейцарскую Догматику выразился – от "панк-православия"...»⁵

Что же побудило почтенного иеромонаха-патролога ассоциировать себя с демонической культурой? Вот вопрос, болезненно занимающий суздамитов, на который мы и постараемся здесь ответить. "Дружественный батюшка" попал в точку и ответ нужно искать в догматических воззрениях "панк-православного" автора, к коим искусствоведческие статьи служат не более чем приложением, впрочем, довольно хорошо их иллюстрирующим. Но прежде, чем перейти собственно к догматам, задержимся еще немного на культурологической стороне, ибо и она говорит о многом.

Культура, которую пропагандирует иеромонах, является по существу своему антикультурой, или – более традиционно для искусствоведов – "контркультурой", каковой термин употребляется и самим нашим автором (см. Смерть и самоубийство... стр.1), а ее выразительные средства – антиэстетикой, анти-"искусством" (см. Попробуем здесь, стр.10), она «разорвала с традицией какого бы то ни было артистизма, даже "рок-н-рольного". "Грязный" звук, подчеркнутый непрофессионализм исполнения должен был указывать...» (там же, стр.8). В высшей степени антиэстетично и само слово "PUNK", означающее в переводе с английского "грязь", "отброс", "гниль", "помойка" и пр., одним словом – разложение.⁶

Какое нам до этого дело? Большое, даже если отставить на время в сторону вопрос о том, как это слово можно писать через дефис со словом "православие".

"Красота" – согласно св. Дионисию Ареопагиту – одно из Имен Божиих, как и "Прекрасное", и «разделяя Их (т.е. Прекрасное и Красоту), применительно ко всему сущему, на причастие и причастующее, прекрасным мы называем то, что причастно Красоте, а красотой – причастие к делающей красивым Причине всяческой красоты» ("О божественных именах", 4;7). Т.о. тварная, вещественная красота – гармония звуков, цветов, соразмерность частей (в частности – тела) друг другу и целому являет нам причастие Божественным Энергиям: *Невидимая бо Его от создания мира творенми помышляема видима суть* (Рим.1:20). И посему истинное искусство, творя красоту, творит вещи причастные Энергиям Божиим, причастные высшей Красоте, и является, следовательно, синергией, сотворчеством Бога и человека, служением человека Богу (хотя и не всегда сознательным) и осуществлением им в себе подобия Богу как Творцу. Блаженной памяти Митрополит Хризостом Флоринский, отец Истинно-Православной Церкви Греции, писал о языческом эллинском искусстве, в частности о скульптуре: «Поистине же божественный смысл этой красоты открыла человеку философия, идущая вслед за искусством, Платон пришедший вместе с Фидием... Если действительно искусство у древних эллинов достигло наивысшей точки совершенства и красоты, то этим оно обязано идеализации искусства, коего таинственные выражения и нюансы проявляются и запечатлеваются лишь в воображении того мастера, душа которого в состоянии вообразить свойства (ιδιότηας) абсолютного совершенства Божия...

...Фидий, Пракситель и Апелл искусным резцом своим... выразили и выкристаллизовали идеал души, показуя истину, прекрасное и хорошее, каковые имеют источником своим Самого Бога».⁷

---

⁵ Из форума.

⁶ Если задаться целью перевести "PUNK" на русский одним словом, причем, сохраняя, по возможности, смысл и импульс, вкладываемый в него самими носителями означенной идеологии, то лучше всего, кажется, было бы это сделать неприличным словом "говно".

⁷ Пр. Φλωρίνης Χρυσοστόμου Καβουρίδου. Τὸ Ἀρχαῖον καὶ μεσαιωνικὸν Ἑλληνικὸν πνεῦμα ἐν σχέσει πρὸς τὴν Ἑθνησκέϊαν, ΑΠΑΝΤΑ, т.1 стр.326-327. Такой взгляд на плотскую красоту вовсе не антиэстетичен: так, преп. Иоанн Лествичник в Слове о Целомудрии восхваляет монаха, который «увидев необыкновенную женскую красоту, весьма прославил о ней Творца, и от одного этого видения возгорел

Все это не в меньшей степени относится и к музыке, и мы знаем, что многие подвижники благочестия, как современные (напр. Митр. Анастасий (Грибановский), о. Серафим (Роуз), св. Иосиф Петроградский), так и древние, находили в ней источник духовного утешения, возносясь от красоты гармоничных сочетаний звуков к Источнику или, по слову Писания, Родоначалнику (Прем. Сол. 13:3) всяческой красоты.

И если подлинное искусство, подлинная культура есть служение Богу как Красоте, то очевидно, что контр-культура, анти-эстетика и анти-искусство есть нечто противоположное – богоборчество и служение сатане, основанное на гордыне самоутверждения. Отсюда протест, «пощечина общественному вкусу» у панков. Протест, лишь на поверхностный взгляд направленный против "толпы мещан" и "массовой культуры", а на деле идущий много дальше, против того внутренне присущего душе человеческой эстетического начала, чувства красоты, какое свойственно образу и подобию Само-Красоты. Отвергая это, как и всякий закон (моральный, естественный или любой другой) "навязанный" свыше, безумный бунтарь стремится утвердить в качестве единственного критерия себя самого и свое отрицание, и потому воспеваает "гниль", "грязь" и всякое прочее тление...

Такой же природы и отрицание жизни как тоже чего-то навязанного, а отсюда и культ самоубийства, т.е. произвольно избранной в знак презрения к жизни смерти. Здесь также за протестом против "обывательской массы", боящейся смерти («А вы все ужасно боитесь умереть..., а я скажу вам, что вы все уже сдохли») явно просматривается протест против жизни вообще и даже против [Самой] Жизни и Подателя жизни.

Это-то отрицание жизни и видится автору созвучным христианскому отвержению мира. Он пишет: «Христианство начинается со смерти... "Образ смерти" Христа, которому наша смерть должна быть сообразна, на языке неверующего мира давно назван: самоубийство.

Христианские добродетели смирения и бесстрастия таковы, что не мне о них рассуждать. Но... наиболее общедоступное и наиболее общеобязательное – это никак не меньше того поверхностного "отречения от мира", которое совершает сознательный самоубийца...

Нельзя решиться выбрать христианство, не выбрав всего того, что, по отношению к миру и к своему физическому существованию, выбирает самоубийца...» (Попробуем здесь, стр.15), ибо мир бессмыслен: «у окружающего нас "белого света" нет и не будет того, ради чего мы обязаны сидеть в нем на цепи» (там же).

Таким образом, по мысли автора, к самоубийству и к христианству приходят по одним и тем же побуждениям, да и вообще, христианство – это один из видов самоубийства: «Самоубийство – так в реалиях нашего мира будет называться любой реальный прорыв вне этого мира. Но разные способы самоубийства различаются по внутреннему содержанию и по способу исполнения. То, что предлагает христианство, – есть самоубийство, но особого рода...» (из переписки). И поэтому «интерес русского рока к теме смерти имел, скорее конструктивный, а не деструктивный характер» (Смерть и самоубийство, стр.2), как подводящие к мысли о самоубийстве в том или ином его виде (в этом и заключается, надо полагать, "подготовка к монашеству" – *и.Н.*), к мысли, к которой не приходят лишь те, кому некогда» (Швейцарская догматика, стр.11). А для тех, у кого «главный интерес в жизни связан со смыслом самой жизни (или смерти)» (там же, стр.1), остается единственная «альтернатива, против которой возразить невозможно: «Православие или самоубийство» (Смерть и самоубийство, стр.20). Впрочем, в контексте догматических представлений нашего автора и выражаясь его же собственными словами, «эти два выхода не грех посчитать за один», т.к. то,

---

любовью к Богу», и прибавляет: «Так должны мы поступать и при слушании песнопений и песней. Боголюбивые души, когда слышат пение мирских или духовных песен, исполняются чистейшего утешения, любви божественной и слез...» (Лествица 15:59-60).

что он именуется «православием», действительно есть род самоубийства, причем не столько по отношению к жизни временной, как к вечной! В этом нас убеждают слова автора, что «придя к этой мысли (т.е. о совершении того или иного рода самоубийства – *и.Н.*), мы оказываемся перед развилкой. Что мы думаем о бытии Божиим – повлияет на ситуацию очень мало. Подозреваю, что это вообще не имеет значения. Все наши думы... – это мусор, который летит нам в лицо и мешает разглядеть реальность. А чтобы эту реальность увидеть, нужно начать совершенно с другого: нужно начать молиться: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго!» (Швейц. догм., стр.11).

Это странное утверждение вполне противоречит слову Писания: *веровати подобает приходящему к Богу, яко есть* (т.е. что Он существует), *и зыскающим Его мздовоздаятель бывает* (Евр.11:6).

Впрочем, целью Лурье не является прийти (или привести) к Богу, но нечто иное – «увидеть реальность», для чего и предлагается некое средство – «начать молиться», *и отверзутся очи ваши* (Быт.3:5) и в мздовоздаянии от Бога уже не будет нужды, ибо сами *будете яко божи*. Ересь, какой прельстил змий в Раю прародителей, была именно такова – самим достичь обожения, каковое они могли реально получить лишь в качестве мздовоздаяния за хранение Его заповеди. Но Лурье, видимо, противна сама идея мздовоздаяния. Он пишет: «Вам хочется быть "хорошим человеком"? Мне – нет, в чем бы эта "хорошесть" ни состояла. Если уж все равно надо быть человеком, то я бы лучше постарался стать таким человеком, каким я сам хочу, а не таким, чтобы кто-то там (даже и Бог) считал бы меня "хорошим"» (Швейц. догм., стр.2).

Это – несомненный бунт, вроде панковского, протест против необходимости подчиняться "навязанным" со вне критериям. Бог для него – это "кто-то там", и Его владычество – нестерпимо, ибо нестерпимо видеть себя ограниченным кем-то. Жизнь в рабстве – не жизнь, поэтому, продолжает он: "А если бы я еще сильнее призадумался, то я бы и вообще не нашел бы в идее "человека" (какого бы то ни было, "человека вообще") ничего такого, ради чего стоило бы жить, даже при условии бессмертия: бессмысленное не приобретет смысла, если станет бесконечно длинным..." Вот вам и отрицание жизни как таковой, какой она подана Создателем, как чего-то бессмысленного и нестоящего. Впрочем, автору все же видится некий выход кроме самоубийства. С необходимостью жить его примиряет перспектива обожения: «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом. Тогда все сразу становится на свои места. Бог – абсолютен и поэтому не только не требует никакого другого "смысла" для оправдания Своего существования, но, наоборот, Сам дает смысл всему, что имеет смысл" (там же). Таким образом, жизнь, данная Создателем, не имеет смысла, угождение Ему (чтобы Он считал тебя "хорошим") – тоже; нужно самому «начать жить Создателем бытия» (из форума) стать Абсолютом. Так некогда Денница *рече во уме своем: на небо възду, выше звезд небесных поставлю престол мой... възду выше облак, буду подобен Вышнему* (Ис.14:13-14). А иеромонах действительно собирается стать равен Вышнему, он пишет: «Бытие Богом – это не бесконечность ограниченного человеческого существования, а настоящая вечность, не имеющая не только конца, но и начала...» Он, видимо, надеется превзойти в обожении и Самого Сына Божия, по крайней мере он приписывает это Святым Отцам, которые, поскольку «в них вполне совершилась настоящая цель воплощения Христова», «сами стали *первоисточником* (курсив автора – *и.Н.*) учения Церкви» (там же), тогда как Христос говорил о Себе: *Мое учение несть Мое, но Пославишаго Мя* (Иоан.7:16).

Впрочем, самого нашего автора пожалуй и можно было бы назвать "первоисточником" его учения (ибо оно вполне чуждо учению Христову, происходящему от единого источника преестественного Божества – Отца Небеснаго), если бы оно не происходило бы от другого источника – отца лжи, причем не только в том общем смысле, в каком от него происходит всякая вообще ложь, в том числе и всякая ересь, но и в собственном, ибо учение В. М. Лурье

повторяет то заблуждение о возможности равенства с Богом, посредством коего пал сам злоначальник и которое явилось первым в мире заблуждением, какое он лично проповедал прародителям, отпадшим через него от Бога. Таким образом, мы можем называть рассматриваемое учение даже не "лурианством", но "люциферианством". *Не ктому змий мне ложно обожение подлагает: он – "обезьяна Господа Бога" – может теперь, обезьянничая, сказать, что и он "почил от дел своих", т.к. его успешно заменяет человек, называющий себя христианским священником... И видех инаго зверя... иже имеяше рога два, подобна Агнчим и глаголаше яко змий (Откр.13:11).*

Что лу(цифе)рианство тщится заменить собой учение Христово, оставленное нам во Святом Евангелии, видно также из других работ данного автора (мы имеем в виду Лурье, а не Люцифера). В своей книге «Призвание Авраама» он пишет: «мы... достигли во время последнее... Это время познается познанием себя, и оно требует войны против самого себя... Военачальника на этой войне выбирает Господь – так же, как Он выбрал в свое время Моисея и Авраама. С ними заключается особый Завет, новый и внутренний, а не писанный, в который затем могут войти все, кто пожелает стать "чадами Авраама". Этот новый Завет... одинаково мог быть заключен и ветхозаветную, и в новозаветную эпоху (в то же время, писанные Евангелия и все остальные Священные Писания Церкви – это такой же "писанный Закон", как то собрание книг, которое у нас называется "Ветхий Завет")».⁸

Теперь нам остается привести свидетельства из Священных Писаний и Святых Отцов для сопоставления их по пунктам с учением В. М. Лурье, дабы и без того вполне очевидное противоречие одного с учением христианским подтвердить документально.

Итак, согласно лу(цифе)рианской теории, Христианство начинается со смерти, оно есть род самоубийства по отношению к миру, а человеческая жизнь – бессмысленна даже при условии бесконечности. Согласно же Священному Писанию это не так, ибо *Бог смерти не сотвори (Прем.1:13), завистию же диаволею смерть вниде в мир (2:24)*; Христос же пришел, *да живот имут и лишше имут (Иоан. 10:10)*. И ссылка на "слова, которыми Церковь встречает новокрещенного: Или не разумеете, яко елицы во Христа Иисуса крестихомся, в смерть Его крестихомся? Спогребохомся убо Ему крещением в смерть (Рим. 6:3-4)" здесь напрасна, так как, во-первых, Христианство начинается не с крещения, а с обращения от мертвых дел к вере, вера же с проповеди благой вести о воскресении и жизни вечной, а не о никчемности временной; и во-вторых, потому что смерть здесь подразумевается не "по отношению к мира и к своему физическому существованию" как у панк-православных, а ко греху, как далее пишется: *еже бо умре, греху умре (Рим. 6:10)*. А если где и говорится о смерти по отношению к "миру", то нужно понимать, что по разуму Церкви словом этим в данном контексте означает не "окружающий нас "белый свет"", как это пытается представить нам патролог. Святой Исаак Сирин пишет: "Когда слышишь об удалении от мира, об оставлении мира... тогда нужно тебе сначала понять и узнать, по понятиям не простонародным, но чисто разумным, что значит само наименование мир..."

Слово "мир" есть имя собирательное, обнимающее собою так называемые страсти... Когда вообще хотим наименовать страсти, называем их миром; а когда хотим различать их по различию наименований их, называем их страстями" (Слово 2).⁹ Посему и в самом "самоубийственном" своем наставлении: *умертвите убо удоы ваши, яже на земли, – Апостол поясняет, какие именно: блуд, нечистоту, страсть, похоть злую и лихоимание, еже есть идолослужение (Кол. 3:5).*

---

⁸ Лурье В.М. Призвание Авраама. СПб, "Алетейя", 2000, стр.153.

⁹ Аввы Исаака Сирианина Слова Подвижнические, М. 1993, репринт, стр.14-15.

Вообще, понятие о жизни как о благе неотъемлемо от души человека, которой оно внутренне присуще по самой природе, ибо любая жизнь есть причастие Единой собственно Жизни, "из Которой происходит сама-по-себе-жизнь и всякая жизнь и от Которой во все как бы то ни было жизни причастное распространяется свойственная каждому жизнь" (Св. Дионисий Ареопагит, "О Божественных Именах", 6:1). Из этого имманентного человеческой душе опыта жизни как блага и исходит проповедь о жизни вечной, ибо лишь ведомое нам благо может являться образом неведомого¹⁰ (а всякий образ, как известно, причастен энергии первообраза). Поэтому Церковь в евхаристической молитве благодарит Бога за то, что Он "от небытия в бытие нас привел есть", а святой царь-пророк говорит о совершающем добродетели человеке, что он есть *хотяй живот, любяй дни видети благи* (Пс. 33:13). Также и бесконечная жизнь отнюдь не видится Церкви бессмысленной, ибо ее она испрашивает у Бога усопшим: *идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная, в месте светле, месте прохладне, месте покойне* – вот вам "бесконечно длящееся и бесконечно счастливое существование". Конечно, у всего этого есть и более глубокий и возвышенный смысл, ибо жизнь вечная есть познание Единого Истинного Бога и посланного Им Иисуса Христа, но этим не обесмысливается и первый и прямой смысл, доступный пониманию всякого человека, к которому обращена евангельская проповедь. И следует заметить, что Церкви многократно вкладываются в уста молящегося прошения о достижении жизни вечной и никогда – об обожении. Ибо общим местом Святых Отцов является, что Адам оттого пал, *оболган сый надеждоу обожения*, что взыскал его не во время свое, хотя несомненно бы получил его от Бога законным путем по достижении усовершенствования в просвещении. Теперь же, по грехопадении и самому просвещению предшествует очищение, почему лестница христианского совершенства теперь строится всеми Святыми Отцами по следующей схеме – *κάθαρσις – φώτισις – θέωσις* (т.е. очищение – просвещение – обожение). Новый же змий – иеромонах-патролог предлагает обожение в виде жизненной цели людям, не вступившим еще даже на первую ступеньку очищения, и более того, избравшим грязь в качестве своего символа – панкам.

Теперь посмотрим на различие в самом учении об обожении между В. М. Лурье и Святыми Отцами. Прежде всего здесь нам следует рассмотреть учение преп. Максима Исповедника о Мелхиседеке, т.к. с ним у нашего автора наблюдается наибольшее сходство в выражениях.¹¹ Итак, простирается ли оно до единства и самих понятий?

Святой Максим пишет: "Как мне думается... чудный оный и великий Мелхиседек... удостоился стать превыше времени и естества и уподобиться Сыну Божию, быв по благодати, насколько это возможно, таковым, каковым Податель благодати веруется быти по существу. Ибо сказанное о нем: *без отца, без матери, без причта рода* – не иное что означает, предполагаю, как бывшее ему по крайней благодати, которой он сподобился ради добродетели, совершенное отложение естественных признаков. *А ни начала дней ни конца животу имеяй* – свидетельствует о знании, описующем свойства всякого времени и вечности, и о созерцании, превосходящем бытие всякой вещественной и невещественной сущности. *А уподоблен Сыну Божию пребывает священник выну* – указывает, может быть, на непоколебимость боговиднейшей добродетели и божественного к Богу внимания, способного сохранить несмежаемым умное око. Ибо

---

¹⁰ Здесь вспоминаются трудности, с которыми сталкивались до революции русские миссионеры, проповедовавшие на Крайнем Севере, когда они переводили Молитву Господню, т.к. дикие народы вовсе не знали хлеба и посему слова "хлеб насущный" были им непонятны. Так вот в одном случае миссионеры перевели "рыбу нашу насущную даждь нам днесь", а в другом – привезли обоз хлеба и раздали его аборигенам.

¹¹ В некоторых других своих работах, например, в Комментариях к "Жизни и трудам Св. Григория Паламы" прот. И. Мейендорфа (СПб, Византинороссика, 1997), он прямо ссылается на это место св. Максима.

добродетели свойственно противостоять естеству, а истинному созерцанию – времени и веку... первая пребыла непоработанной ничему тому, что после Бога, и неудержимой тем, как одного Бога знающая своим Родителем, второе же (созерцание) – неопишущим, ни в чем из имеющего начало и конец не задерживающимся, как изображающее собой Бога, являющегося пределом всякого начала и конца и привлекающего к Себе неизреченным восторгом всякий разум разумеющих. Из них же и божественное подобие показуется – ведения, говорю, и добродетели.... Поэтому, как я предположительно предполагаю, не по времени и естеству, по которым естественно окончил [свою жизнь] великий Мелхиседек, и которые он превзошел уже и оставил позади себя жизнью и разумом, подобает ему зваться, ... но по тому, чем он себя разумно претворил – по добродетели, говорю, и ведению именоваться..."¹²

Таким образом, по преп. Максиму, Мелхиседек не реально стал таковым в своем человеческом (или уже сверхчеловеческом по благодати) естестве "по которому жить и начал и кончил"¹³, но *познается и именуется* по нетварным и вечным божественным энергиям, которые обитали в нем через добродетель.

А преп. Ефрем Сирийский пишет о нем, что "в имени его предображено таинство благодати и правды Сына, Господа Мелхиседека, Мелхиседек же тот был Сим, сын Ноя...

Он затем был *без отца и без матери и без родословия*, – не сам Мелхиседек, но имя Мелхиседека не записано в родословиях, как и имя Израиля. Но Сим и Иаков имели отца, мать, начало и конец (жизни), как и имена их вписаны в родословия. Имена же Мелхиседек и Израиль ничего этого не имели, – их обоих прославил Бог этими двумя, данными от Него именами. И он *уподобляется Сыну Божию* по своему священству, так как пребывает во век священство Мелхиседека, но опять не в самом Мелхиседеке, а в Господе Мелхиседека"¹⁴

Также и преп. Максим продолжает: "Единственный лишь Господь наш и Бог Иисус Христос естеством и истиною без отца и без матери и без родословия и ни начала дней, ни конца жизни не имущий: без матери по невещественному и бесплотному и всецело непознаваемому горнему от Отца предвечному рождению; без отца же по дольнему и во времени из Матери плотскому рождению, Егоже по зачатию через сеяние род не установить; без родословия же, яко обоих его рождений образ для всех недоступен и непостижим; ни начала же дней, ни конца жизни не имущий как безначальный и бесконечный, и всецело непостижимый как естеством Бог".¹⁵

Итак, даже и о Самом Христе не говорится, что Он безначален и нетварен по человечеству. "Но вы говорите, – пишет св. Афанасий Великий против Аполлинария, – что плоть стала несозданною от единения с несозданным. Это самое и показывает, что заблуждение ваше обличает само себя. Единение плоти с Божеством Слова произошло в матерней утробе, потому что Слово, снисшедшее с небес, из утробы восставило Себе плоть, не предсуществовавшую до снисшествия Слова или до Богородицы Марии, которая одна происходит от Адама и ведет род от Авраама и Давида... Итак, Христос рождается в Вифлееме иудейском, именуется отцом Иосифа, происходящего, так же как и Мария, от Давида, полагается в пеленах, Симеоном вносится во храм, приемлет по закону обрезание плоти и возрастает с годами... Несозданному же приписывать возрастание нечестиво. Ибо несозданное именуется по самому естеству несозданным, и не допускает ни возрастания, ни умаления. А что в общении или единении с несозданным, то именуется, хотя собственно принадлежащим несозданному, однако же не самим несозданным..."¹⁶

---

¹² Ambigua, P.G. 91, стр. 1137D-1140B.

¹³ Там же, стр. 1141A.

¹⁴ Св. Ефрем Сирийский, Творения, изд. Св-Троицкой Сергиевой Лавры, 1995 (репринт), т.7, стр.276.

¹⁵ P.G. 91, стр. 1141D-1143A.

¹⁶ Св. Афанасий Великий, Творения, С.-Т.С.П. 1903, репринт 1994, т.3, стр. 318.

У Лурье же не так, но: "Бог – нетварный, и поэтому тварный по своей природе человек, соединяясь с нетварным по Своей природе Богом, становится нетварным сам" (Швейц. догм., стр. 2). Словно это о нем писал преп. Иоанн Дамаскин: "По своей воле превратился человек, возжелав великого, но не по-хорошему, – ибо великая вещь быть Богом, но нехорошо тому, кто не Бог, быть неблагодарным Сотворившему и претупить собственную природу (ибо благо оставаться в пределах собственной природы), и хотеть быть тем, чем невозможно ему стать, – ибо невозможно небезначальному быть Богом или начавшему быть безначальным. Так что искания неположенного ведут к утрате имеющегося".¹⁷

Но отпадшие от первоначального Завета с Богом советом змииным прародители получили все же обетование о грядущем Искупителе. Те же, кто, *искупльшаго их Владыки отмечающиеся*, почитают Его Завет «ветхим Законом» ради вступления в «новый завет» со змием и его лжепророком – «новым Авраамом» Лурье, какое еще искупление обретут?

"В нашей церкви, – пишет иеромонах, – меня понимают, хотя, конечно, смеются" (из форума). Очевидно, все-таки не понимают – иначе бы не смеялись. Ибо, как мы видели, увлечение роком – это не просто экстравагантная вольность ученого мужа, а одно из проявлений его вполне целостной системы взглядов, увы, вполне антихристианских.

1 сентября 2001 г. ст. ст.

Начало индикта, церковное новолетие.

---

¹⁷ Против Манихеев, 31 // Творения преп. Иоанна Дамаскина, христологические и полемические трактаты, Слова на богородичные праздники, М. "Мартис", 1997, стр. 49. Эти слова св. Иоанна отнюдь не противоречат учению об обожении человека, но Отцы всегда проводили различие между Богом по естеству (φύσει) и богом по сыноположению (θεσει), т.е. обоженным человеком, каковое различие в русской, например, церковной традиции принято выражать даже орфографически: по-церковнославянски – написанием слова "бог" под титлом или без титла, например: *да вѣшний вѣъ ѡвѣшикъ, стоа поведѣъ боговъ ѡпѣлъ на лавѣрѣ* (9 песнь канона на утрени Преображения), а в гражданской орфографии – написанием с заглавной или строчной буквы.